

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МАЛЕНЬКОЙ ПИПИТЫ,
КОТОРАЯ ЖИЛА В ЦИРКЕ**

Александра
Перминова

Александра Владиславовна Перминова
Приключения маленькой
Пипиты, которая жила в цирке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23140597

ISBN 9785448381768

Аннотация

Маленькая мышка Пипита живет в старом цирке. Непоседа и озорница, она нередко попадает в забавные, а подчас рискованные ситуации, из которых выходит благодаря находчивости и смекалке, помощи друзей и поддержке любимых бабушки и дедушки.

Содержание

Пипита и слон	5
Фантазии Пипиты	13
Побег	20
Новая жизнь	26
Прогулка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Приключения
маленькой Пипиты,
которая жила в цирке**

Александра

Владиславовна Перминова

Иллюстратор Дмитрий Исаев

© Александра Владиславовна Перминова, 2017

© Дмитрий Исаев, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-8176-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пипита и слон

В старом цирке, в норке под полом, вместе с бабушкой и дедушкой, жила шустрая серенькая мышка Пипита (в детстве она много пищала: всё пи-пи да пи-пи, пи-пи да пи-пи, вот её так и называли). Ещё мышонком Пипита любила с утра до вечера носиться по арене и зрительному залу, узнавать самые последние новости из разговоров артистов и своих собратьев – мышей, играть с подружкой Мими, и подчас эти игры были небезопасны. Мышки обожали, взявшись за лапки, скатываться с горбов гордого верблюда Хасана. Это было и страшно и весело. А когда Хасан подергивал головой, и горбы начинали шевелиться, озорницы приходили в полный восторг и пронзительно визжали. Частенько они навещали цирковую конюшню и, заглядывая в ухо какой-нибудь лошади, изучали его. Им казалось, что в лабиринте лошадиного уха скрывается какая-то тайна. Они дразнили старого шимпанзе, пытались дернуть за хвост енота, качались на лошадиных уздечках. Предводительницей всех этих игр всегда была Пипита. Недаром тетушка Шушулия, старая сплетница и ворчливая, вечно недовольная особа, говорила дедушке Пику и бабушке Пиме:

– Ох, и намучаетесь вы с ней! Как не выйду из норы, постоянно мелькает перед глазами: туда-сюда, туда-сюда. Говорят, уже и в слоновнике ее видели, и в конюшне. И других

молодых мышек она с толку сбивает. Плохо вы за ней смотрите, вот, что я вам скажу. Попадет ваша внучка в историю.

При этих словах соседки бабушка Пима недовольно поджимала губы, а дедушка бросал на Шушулию хмурые взгляды и бормотал:

– Глядела бы ты, Шушулия, лучше за своими внуками.

Но в словах Шушулии была своя доля правды. С Пипитой не раз случались всякие приключения, хорошие и не очень. Вот послушайте.

В этом же цирке жил предмет восхищения Пипиты. Это был... слон по кличке Туту. И не скрою, наша мышка часто прибегала в зверинец, рискуя своей жизнью, только для того, чтобы увидеть слона.

Ах, до чего же он был красив! Когда перед представлением на него надевали ярко – красную попону, шапочку с бубенчиками, и слон вставал на задние ноги, выполняя команду дрессировщика, он казался Пипите царём. Вечерами Пипита бегала по главной афише и отгрызала каждый раз от неё по кусочку. Дома из этих кусочков мышка склеивала портрет Туту и подолгу любовалась им. Ей очень хотелось подружиться со слоном. Дедушка и бабушка только недовольно фыркали:

– И что это за глупость такая, – говорил дедушка своим

друзьям, таким же почтенным мышам; они часто хаживали к нему в гости, – вот я вспоминаю наше время. Мы были патриотичны, мы боролись с котами, строили оборонительные сооружения, нам нравились исключительно мыши. А эти новые веянья просто чушь кошачья. Вообще сегодняшняя молодёжь занимается всякими глупостями и совершенно ни о чём не думает. Вот нагрянут коты, так и не будет знать, куда деваться, запищит, да поздно.

– Охо-хо, – тут же вступала бабушка, ставя на стол сырный пирог, – и нравится ей урод такой, страшно взглянуть. Да ведь и опасно это – наступит не нее своей толстенной ногой, только мокрое место останется.

Но, несмотря на эти ворчания, каждое утро мышка выходила из норки поприветствовать слона. К сожалению, он был настолько велик, что не замечал её. Мышку это несколько не огорчало, всё её маленькое существо было переполнено обожанием. Рядом с кроватью Пипиты, на полке, стояли три слоновьи фигурки: стеклянного слона мышка похитила из гримёрки молодой акробатки, деревянный выпал из кармана индийского факира, а мягкого плюшевого потерял какой-то малыш. Мышка помнила, как тяжело ей было тащить его до норы, как от тяжести ломило спину, на которую Пипита взвалила свой груз, как подкосились лапы, и она рухнула у самого входа. На шум проснулся дедушка. Он всегда говорил, что спит как кот среди мышей. Пик вскочил с постели и стал прислушиваться. Пипита после падения не рас-

терялась, а аккуратно подвинула лапкой слона к самой дыре. Затем быстро встала на обе ноги, навалилась на свою добычу и хрипло пискнула:

– Дедушка, бабушка, держите с той стороны!

– Пипита, что это!?! – испуганно крикнул дед.

– Фыф, пых, – надрывалась мышка.

– Будь осторожен! – послышался напряжённый голос бабушки Пимы.

Дедушка обхватил лапами слоновий мягкий бок.

– Кысь! – крикнул он от невероятных усилий.

– Дедушка не ругайся, – прокряхтела мышка. Тут же раздался страшный грохот, и плюшевый идол проскочил внутрь, сбив с ног бедных бабушку с дедушкой. Держась за слоновьи уши, следом влетела Пипита и шлёпнулась на брюхо. Сразу стало тихо. Пипита, дедушка и бабушка лежали в разных углах норы, посередине валялся виновник их бедствий – игрушечный слон.

– Дедушка, – осторожно позвала Пипита. После долгого молчания дедушка подал голос:

– Фысь, фысь. Пипита, что это было? Очередной кошмар? – На языке мышей это означало самое страшное – нашествие котов.

– Это слон, – Пипита потёрла спину и поднялась на задние лапы.

– Что ты сказала?! – завопил дед.

– Дорогой, тебе нельзя волноваться, – умоляюще пискну-

ла бабушка Пима. Она уже пришла в себя и стояла на ногах. Дед как ракета подлетел к игрушке.

– Ты вместо того, чтобы отдохнуть в такое время, мышаешь нам спать и слоняешься, – взорвался он.

– Пик, Пик! Успокойся, всех соседей перебудишь, – пыталась образумить его бабушка.

– Уйди, Пима, – рассердился он и продолжал, глядя на испуганную упрямицу – внучку:

– Вместо того, чтобы чем-нибудь помочь мне и бабушке, приносишь домой всякий хлам, развешиваешь на стене всякую гадость, а я должен это терпеть?!

– Пик, – снова попробовала успокоить его бабушка Пима, – соседей разбудишь, коты прибегут.

– Дедушка, послушай, – просила его Пипита.

– Не хочу ничего слушать! – уши почтенного мыша даже порозовели от гнева.

– Я в твоём возрасте кормил семью. Нас у родителей было шесть мышат. Я, старший, таскал из столовой сыр и хлеб, я дружил только с мышами, не то, что некоторые, – глазки его грозно сверкнули. Оскорблённый кормилец семьи отдышался и гневно пропищал, – чтобы завтра этой мерзости у нас дома не было.

Но ни на следующий день, ни через два дня слон не исчез. Наоборот, Пипита поставила его впереди двух других и заботливо обмахнула тряпочкой. Дедушка уже не кричал, а лишь, когда проходил мимо полки, что-то недовольно бур-

чал себе под нос, бабушка только тяжело вздыхала.

А Пипита, между тем, становилась философом. Мышка даже завела дневник со страничками из сыра, куда записывала свои размышления о слоне: «Нет-нет, – писала Пипита, – определенно между мышами и слонами есть родственная связь. Можно убедиться в этом, если рассмотреть нас под лупой. Посудите сами, ведь мы ужасно похожи! У меня шкурка точно такого же серого цвета, такой же тоненький хвостик, а нос безумно похож на маленький хоботок и такие же клычки. Правда, со временем мы немного измельчали».

– И откуда в ней это увлечение? – недоумевала бабушка.

Дедушка раздраженно махал лапой: «Откуда-откуда, юношеский максимализм. Некоторые мои друзья в её возрасте тоже восхищались всякими неотёсанными животными. Хотя лично я ничего хорошего в этом не вижу».

Но восхищению Пипиты не было предела. После каждого представления, когда все кричали слону «Браво!», Пипита издавала пронзительный писк, слышный, впрочем, только ей одной, и кидала к ногам слона сырны крошки. Однажды к мышке зашла её старая подруга Мими. Дедушка с бабушкой ушли к соседям, как они сами говорили: «попищать о жизни».

– Ну как дела? – спросила Мими за чашечкой мятного чая.

Пипита грустно покачала головой.

– Мими, знала бы ты, как мне хочется подружиться с Туту, но как это сделать, я не знаю, ведь он меня просто не видит и даже не подозревает о том, что я существую.

– Я думаю, – серьёзно сказала Мими, – что тебе надо забраться к нему в ухо и сказать об этом. Но будь осторожна, не погибни. Будет очень грустно, Пипита, если ты свалишься с этой махины. Мне тебя будет очень не хватать.

Поздно вечером после очередного представления, когда слон отдыхал, задумчиво глядя перед собой, Пипита пробралась в зверинец и начала карабкаться по слоновьей ноге. Ох, как же это было трудно! Пипите казалось, что она, как скалолазка, покоряет гору. Временами мышка останавливалась на особенно больших складках слоновьего туловища и перекусывала сырными шариками, которые положила в узелок. Но вот, уже близко, совсем близко, вот уже и ухо. Когда Пипита забралась в него, оно показалось ей очень уютным. Ей даже захотелось там вздремнуть, но она знала, что зря терять время здесь просто опасно. Поэтому Пипита прокашлялась и начала:

– Дорогой Туту, я вот уже много лет восхищаюсь вами. Быть может, Вам это покажется, по меньшей мере, странным, но я очень хотела бы с вами дружить. Вы мне кажетесь таким добрым, сильным, красивым и вы, к тому же, такой прекрасный артист!

Туту громко вздохнул, что-то протрубил себе под нос и сказал:

– Послушайте, во-первых, я Вас совсем не вижу. Кто Вы?

Пипита проворно выпрыгнула из уха и переместилась на кончик хобота. Слон даже присел от удивления.

– Дорогуша, это даже не смешно! – продолжал он, – Вы слишком малы, я вас плохо вижу и слышу. Посмотрите, мы же с Вами совершенно разные. Я вас совсем не знаю и не представляю нашей дружбы. Кроме того, у меня уже есть подруга. Моя единственная привязанность и любовь живёт в Берлине. Она работает в зоопарке. Нас разлучили два года назад... Моя Лулу! Как же я тоскую без неё! – И по его серой щеке потекла огромная слеза.

Туту тряхнул головой и..., дальше Пипита ничего не помнила и не видела. Когда она пришла в себя на полу зверинца, перед ней был уже не её любимый Туту, а равнодушная серая глыба с обвисшей кожей и маленькими глазками, жу-ющая свой веник.

Да и от самой Пипиты будто отвалился какой-то кусочек. Это ушла любовь. Всё, словно, встало на свои места. Дома она спрятала все статуэтки слонов в шкафчик, разобрала картинки, которые так любила клеивать и написала в дневнике: «Почему, собственно, мне так нравился этот равнодушный великан? Нет, сегодня я убедилась в том, что мыши и слоны абсолютно разные, и никакой родства здесь нет и в помине. Ни к чему поклоняться этим каменным глыбам. Это доисторическое недалёкое животное не способно оценить высокие чувства».

Фантазии Пипиты

После такого «помышательства» в жизни Пипиты опять наступили самые обычные дни. Мышка, по-прежнему, бегала по цирковой арене, скатывалась с верблюжьих горбов, отдыхала в ухе лошади или верблюда (слоновьи уши теперь раздражали ее, навевая печальные воспоминания), пила чай вместе со своей подругой Мими. Только шкурка Пипиты стала какой-то невзрачной. Даже Мими за чашечкой мятного чая заметила: «Ты как-то полиняла, подруга».

Пипита в ответ тяжело вздохнула:

– Еще бы! Бабушка каждый день ругается, а дед говорит, что нечего было искать дружбы с другими животными, на это есть мыши. Мими, и как мне мог нравиться этот кожаный истукан? До сих пор в себя не могу прийти. Ты знаешь, вчера посмотрелась в зеркало и ужаснулась, как быстро я лысею.

– Ну конечно, и старость уже дышит нам в морду, – захихикала Мими. – Хватит пиццать об одном и том же. Съешь лучше пирожное, – заключила она и подвинула подруге блюдо с кусочком песочного пирожного. Это лакомство было похищено три недели назад из циркового буфета.

Дни тянулись как кошачьи хвосты. Но вот в рядах мышей и не только мышей наступило оживление. Носы начали волновать новые запахи. Особо любопытные серые сплетники собирались под главной афишей и о чем-то пиццали,

пытаясь узнать, что происходит. Появились незнакомые люди. Они громко и очень быстро разговаривали на непонятном, но жутко заманчивом, как дальние амбары, языке. Их смех разносился по коридорам. В цирк приехала итальянская труппа!

Как-то раз Пипита и Мими сидели на бортике арены, смотрели на выступление итальянских артистов и сплетничали о соседских мышах:

– Сегодня встречаю соседку, – рассказывала Мими, – ну ты, у которой восемь мышат. Вижу, идет и плачет. Я ее спрашиваю: «Тетя Пиу, что с вами? А та всхлипнула на все подполье, да и говорит: «Ах, девочка, ты не представляешь, что у нас в семье творится. Мой младший ходит в кружок «Резьба по сыру», и дома он выгрыз чудное панно, называлось «Мышки на прогулке». А мой, муж-балбес, пришел со своих посиделок и все слопал. Я его поколотила, он, верно, перепугался до смерти и скрылся. Так уже три дня найти не можем, все подвалы обегали». Представляешь, как бывает?

Но Пипита не слушала подружку, ее внимание привлекли жонглеры. В руках молодой итальянки и ее партнера сверкали мячики, кольца, булавы. Особенно хороша была девушка-жонглер: волосы, черные как шкура пантеры, были заплетены в две толстые косички, большие глаза весело блестели как вымытые сливы, она улыбалась, а ее синяя юбочка с блестками задорно взлетала и кружилась. Вдруг репетиция оборвалась, и раздался громкий мужской голос: «Пипита!

Пипита!»

От неожиданности Пипита ухватилась за хвост Мими и растерянно пропищала: «Я здесь»!

– Осторожно, – сердито пискнула Мими, – ты мне сейчас хвост оторвешь.

– Слушай, Мими, – возбужденно заговорила Пипита, – откуда они, вообще, знают, как меня зовут?

– Не поняла, – ответила Мими. – Тут какой-то подвох, надо бежать.

Две озорницы шмыгнули за кулисы. Но очень скоро любопытство напало на обеих подруг как голодный кот. Они выглянули из-за угла и увидели, как смуглый толстый мужчина что-то шумно обсуждал с девушкой. Толстяк разошелся и через каждое слово повторял: «Пипита, Пипита».

– Все-таки откуда они знают, как меня зовут, – не унималась мышка. Может мне у них спросить?

– Не вздумай, – шикнула на нее Мими, – говорю же тебе, здесь какой-то подвох. Но ты знаешь, по-моему, так зовут эту девушку, и к тебе это не имеет никакого отношения.

– Также как меня?! Обалдеть! Не понимаю, не понимаю, – потрясенно повторяла Пипита, – откуда у нее мое имя?

– Да что тут понимать, – перебила Мими, – спроси у своего деда, он все знает, во всех вопросах кошку съел. Ну и потом, бывают же одинаковые имена.

– Хорошо, хорошо, Мими, – пролепетала ошарашенная Пипита, и понеслась в нору.

– И куда только эта девчонка запропастилась, – ворчал дедушка, – обедать давно пора. У меня в животе прямо кошачьи бои.

– Пима! – позвал он жену. Бабушка Пима стояла у плиты и готовила мятные лепешки.

– Да, Пик! – откликнулась она.

– Где твоя неугомимая внучка?

– Не знаю, – весело сказала бабушка Пима, – должно быть у Мими или гуляет где-нибудь.

– Ей надо быть осторожнее, – строго заметил дедушка Пик, – а то ведь такие молоденькие и попадают в лапы к котам.

– Да ладно, – рассмеялась бабушка Пима, – девочка общается, веселится, слава Богу, не сидит дома.

– Может она в зверинце, снова любитесь на свое чудовище?

– Да перестань, Пик. Она же сказала, что все уже...

Бабушка не договорила – в нору, как укушенная бешеной крысой, влетела Пипита.

– Бабушка, дедушка, я точно вам родная? – спросила она.

Дедушка встал с кресла и принял угрожающую позу – верхние лапы его упирались в бока, хвост нетерпеливо дергался.

– Я не понял, любезная моя внучка, почему это вы задаете нам такие странные вопросы, – насторожился он.

– А потому что иностранную циркачку тоже зовут Пипитой, значит у меня итальянское имя? – ответила мышка. – Может быть, я – итальянка, а вовсе не ваша внучка? Может быть, вы меня где-нибудь нашли и взяли к себе жить?

Дедушка посмотрел на фантазерку, и его морда исказилась в какой-то дикой улыбке. Он захохотал:

– Пима, Пима, – смеялся он, – уйми ты эту выдумщицу, ой, я не могу!

Бабушка уже не готовила, а, согнувшись в три погибели, пыталась побороть смех:

– Пик, Пик! – скрипела она, – неспроста Пита родилась в цирке. Такого еще никто не придумал.

Пипита чуть не плакала от досады, глядя на хохочущих родственников. Отсмеявшись, дедушка протер глаза и сказал:

– Да, правду говорит наша соседка Пинелла, с внуками интереснее, чем с собственными детьми. Он подошел к Пипите, хотел почесать ее за ухом, но упрямица резко отстранилась.

Понимаешь, – терпеливо начал дедушка Пик, – циркачка ПЕпита, ПЕпита Скалли, как написано на афише. А ты ПИпита, и назвали тебя так, потому что в детстве ты много пищала, прям спасу не было – пи-пи да пи-пи.

– Вы мне и дальше будете тут писк разводить, – огрызну-

лась Пипита.

– Не груби, – уже не на шутку рассердился дедушка. – Ты принадлежишь к почтенному роду русских полевых мышей, и хватит об этом.

– А что случилось с моими родителями? Почему я совсем их не помню? – нос мышшиной фантазерки дернулся.

– Мышеловка, – пробормотала бабушка и, вытирая передником глаза, отвернулась к плите.

Но Пипита уже ничего не слышала. Взволнованная, она кинулась прочь из норы.

– Пипита, Пипита! – шумел дедушка. – Пима, зачем мы сказали ей? Опять чудит.

– Успокойся, Пик, – утешала его бабушка, – надо же было ей сказать, и потом линька. Я сама бывала такой в эти сезоны.

Побег

Теперь Пипита стала часто задумываться о своем происхождении. А что, если она и в самом деле всем здесь чужая? Вдруг и вправду итальянка. Во-первых, – думала она, – своих родителей я никогда не видела; во-вторых, я самая юркая и веселая из всех; в-третьих, я говорю очень быстро, совсем как те итальянцы, недаром дедушка все время одергивает меня: «Не тараторь!»; В-четвертых, мне кажется, что у меня самые темные глаза из всей моей родни, а главное – все-таки имя. Сколько сомнений! Необходимо их как-то разрешить.

Пипита начала тайно готовится к поездке в Италию. Она расстелила под своей кроватью узелок и складывала в него свои вещи: сырные шарики, часы дедушки Пика, на всякий случай, и даже любимую бабушкину красную кастрюльку, в которой можно было при любых условиях приготовить пищу – подарок соседа-изобретателя.

– Не знаешь, куда делись мои именные часы? – спрашивал дед.

– Вспомни, куда ты их последний раз положил, и найдешь, – отвечала бабушка, – может, дал соседским мальчишкам поиграть, а они и не вернули. – Через два дня она прибежала к мужу, всплескивая лапами:

– Дорогой, где моя кастрюлька, та, которую на пшеничную

свадьбу подарил нам сосед-изобретатель Пипин?

– Ума не приложу, небось, ты сама пошла с ней к какой-нибудь соседке и оставила, – успокаивал ее Пик, – не коты же ее, в самом деле, унесли.

– Ох, типун тебе на язык, – пугалась бабушка, – если эти зверюги поднимутся, нам житья не будет. Даже не поминай их, а кастрюльку надо найти.

– Нет, ты только посмотри, – говорила Пипита подруге Мими, – правда, у меня взгляд, как у той итальянки? – и она посмотрела на Мими, страшно вытаращив глаза.

– Полное сходство, – усмехнулась Мими, – эх, Пипита-Пипита, ты что, серьезно решила смыться из родной норы?

– А чего тянуть усатого за хвост? – спросила Пипита. – Я уже все собрала, даже выучила эту... как ее... тырынтеллу... Видела, как итальянцы ее разучивали и запомнила. Хочешь, станцюю? – И Пипита быстро запрыгала на одном месте, громко стуча когтями об пол норы. – Ну как? – спросила она, когда танец кончился.

— Слапсшибательно, – захохотала Мими.

– Ну ладно, – засуетилась Пипита, – заболталась я тут с тобой. Мне еще собираться надо. Загляну к тебе перед отъездом. – Сказав это, она побежала к себе, а до Мими еще долго

доносился частый-частый стук ее когтей.

За ужином дедушка был в приподнятом настроении:

– Сегодня заходил к Пипину. Он сейчас работает над сверхскоростными ходулями, чтобы любая мышь, заведя кота, могла удрать на них за секунды. Показывал мне схему, удивительная штука! Надо и тебя, Пима сводить к нему, – говорил Пик, накладывая себе сырного соуса к лепешкам.

– Да, Пипин – настоящий мастер, – восхищалась бабушка, – скольким соседям он помогает, одна моя кастрюлька чего стоит, только бы найти ее. Пипита, тебе положить еще лепешек?

– Нет, – ответила Пипита, – я, наверное, спать пойду, а то за ушами трещит.

– Вот бегаешь, где ни попадя, потому и трещит, – вставил дедушка. – Между прочим, Пима, Пипин звал нас сегодня на чай. Правда, мы уже поели, но ведь не грех зайти к соседу.

– Даже не знаю, – замялась бабушка, – а вдруг Пипите чего-нибудь понадобится?

– Что понадобится, – не утерпел дед. – Здоровая мышь, невеста, можно сказать, Скоро женихи серой толпой повалят, а ты с ней как с мышонком носишься. И потом, если ей что-то будет нужно – это через нору. Она всегда может туда зайти.

– Да, конечно, идите, – пролепетала Пипита.

– Ну, вот и умница, – похвалил дед и помял гибкое внучкино ухо.

После вечернего представления, на котором Мими была без подруги, она решила пораньше лечь спать, а то что-то набегалась за день. Но едва мышшь собралась провалиться в объятия мышиною Морфея, как раздался стук. Мими выглянула наружу: в коридоре с фиолетовым узелком в лапе стояла Пипита.

– Я уезжаю, синьорина, чао!

– Синьорина – Пипита, это, конечно, все очень здорово, но ты не боишься, что твои бабушка и дедушка могут умереть от ужаса и тоски, когда не найдут тебя, да и с тобой может что-нибудь приключиться в пути, – предостерегла ее Мими.

– Не бойсь, – уверенно ответила Пипита, – они у меня крепкие, как-никак дед войну прошел. А я не пропаду.

– Но как ты собираешься туда отправиться, на чем? – не унималась Мими.

– Я, кажется, знаю как, – таинственно прошептала Пипита, – идем за мной.

Озадаченная Мими, поплелась за подругой. Через какое-то время они очутились в темной комнате. Это была гри-

мерка девушки-акробата, из-за имени которой началась вся эта котовасия. На кресле, какие встречаются обычно во всех примерках, стоял большой черный рюкзак.

– Помоги! – скомандовала Пипита своей ошалевшей подруге.

– Пипита, а ты не боишься? – прошелестела Мими.

– А с чего это? Я слона не испугалась, а тут вдруг трястись... да ну... Взяв сыра куш, не говори, что не дюж.

Взобравшись на стол, Пипита махнула передней лапкой и уже собралась прыгать в рюкзак, как вдруг остановилась.

– Мими, – строго сказала она, – успокой стариков. Скажи, что я напи-пи-шу им, когда смогу. А пока передай им вот это, – она протянула Мими кусочек бумаги и сиганула в рюкзак.

Мими постояла в задумчивости на столе: «Ну и задачку ты задала мне норушка-путешественница!» Она взглянула на записку и прочла: «Я с этим разберусь и сразу же вернусь. Утешет вас Мими пи-пи-пи.»

– Вот тоже мне... как же я их утешу? – Мими хотела задать этот вопрос самой Пипите, но та уже скрылась в глубинах рюкзака.

Новая жизнь

Как ехала в аэропорт на дне темного рюкзака, как летела в самолете, ничего этого не помнила Пипита. Утомленная суетой и, взбудораженная волнениями, она, то спала, то просыпалась. Когда самолет приземлился, она заметалась: «Кажется, Италия». Но это было еще не все. Рюкзак снова начал покачиваться, как на верблюжьих горбах – его хозяйка куда-то шла. Убаюканная качкой, Пипита снова задремала. Очнулась путешественница в полной тишине и, не понимая сначала, куда ее принесло, начала шустро выбираться из рюкзака. Наконец мышка покинула свою полотняную пещеру и огляделась: она находилась в просторной светлой комнате, в углу которой заметила небольшую дыру. Словно что-то подтолкнуло Пипиту, и она, не задумываясь, шмыгнула прямо в нее. Снова наступила темнота, только слышно было, как по каменному полу подполья (а это было именно подполье) стучат ее коготки, да переговариваются невидимые сверчки.

– Падре, падре, – трещали самые младшие сыновья мудрого сверчка Лучано, – ке шуршаре?

– Мышани, – ворчал Лучано, – мышани.

Мимо Пипиты, словно добрый дух этого подполья, пролетела почтенная летучая мышь – старушка Лючия в черной шали. Она прижимала к себе мешочек с едой. Протопа-

ла супружеская пара Лаурита и Карло – местный образчик семейного благополучия. Держа за лапу одну из своих дочерей, спешила в нору мамаша Беатриче. Она была крайне плодовита, и уже в десятый раз у нее намечалось брюшко. Со скоростью ветра друг за другом пронеслись синьор Марко и синьор Матео. Синьор Марко был чем-то очень рассержен и старался как можно быстрее уйти от своего преследователя. «Амико, амико!», – надрывался синьор Матео, еле поспевая за обиженным. Имена всех жителей подполья Пипита узнала гораздо позже. Теперь же она видела множество своих братьев, спешащих по своим делам. От такой суеты и шума у нее зазвенело в ушах. Пипита присела на узелок и задумалась: «Кот его знает, куда здесь идти. И спросить-то не у кого – все по-своему лопочут». От растерянности и страха она даже вспомнила, как дед рассказывал, что во время гражданской войны их белые противники выкапывали на пути разведчиков Бермудские норы, и почти все серые воины, отправлявшиеся на задание, исчезали там навсегда. Пипита тряхнула головой: «Да что это я? Сейчас не война и Бермудских нор нет». Вдруг густой бас заставил ее подпрыгнуть до потолка: «О, любиче, любиче сыринье дольче!», – раздавалось как будто из-под мышинных лап. Тут же Пипита ощутила знакомый сладковатый запах сыра. Сразу нахлынули воспоминания – бабушкины сырны лепешки, сырная подливка. Но новоявленная итальянка не стала предаваться воспоминаниям и уже смелее потопала на голос. Через некото-

рое время она оказалась около небольшой норы; вход был без двери, мышка затаилась и стала наблюдать за происходящим. Было ясно – хозяева ужинают. На полу вокруг ящика, который, по-видимому, служил столом, сидело восемь мышей. Шкуры их были темны, сами они казались больше почтенного дедушки Пика. Особенно огромными показались Пипите две взрослые мыши. «Может быть, это крысы? – подумала она, – тогда я пропала».

– Карро, сыринье добавлинье? Густо? – сказала миловидная синьора-мышь, по-видимому, жена хозяина. Пипита не услышала, что ответил синьор – от пыли у нее засвербило в носу, и она оглушительно чихнула.

– Мамма! Мамма! Кошани! – всполошились испуганные мышата.

– О, мама миа! – вскричал отец. – Проклято кошано! О!
Он бросился к выходу, но наткнулся на Пипиту. Долгое время они, молча, разглядывали друг друга. Дети бросили еду. Робкие прижались к матери, а те, кто посмелее, повскакали со своих мест и, перешептываясь, стали с любопытством рассматривать нежданную гостью.

– Пиколло..., мышано..., сериньо..., – ловила она обрывки фраз.

– Синьорина? – наконец недоуменно спросил хозяин.
Пипита молчала. Она сама невольно засмотрелась на хозяев: их темные шкуры отливали синевой, глаза были огромны как маслины, уши, точно китайские веера, поражали сво-

ей прозрачностью и округлостью. Даже в испуганных детях уже виделись грация и благородство.

– Синьорина? – вновь повторил сеньор мышь, – ке? Ке случито?

– Я заблудито, – в тон ему ответила Пипита, и сама удивилась, что так легко понимает чужой мышиный язык. Многие слова были похожи, отличаясь только окончаниями.

– О, мио мадре! – занервничал отец семейства, – проходире, проходире. Нон боязиньо, – попытался успокоить он свою семью.

Когда мышка вошла, один из самых смелых отпрысков подбежал к ней и пребольно дернул за хвост. «Пиетро! – нахмурилась мать, – седире, седире, сеньорина, – хозяйка старалась улыбаться, но в ее глазах по-прежнему была тревога. Пипита аккуратно присела вдалеке. От приветствия Пиетро хвост заныл.

– Близито, близито, – хозяин подвинулся, чтобы пропустить ее.

– Нон, нон близито, – попыталась возразить хозяйка, – синьорина болиньо?

– Чесира! – сердито шепнул муж.

– Нон болиньо, – не растерялась Пипита, – я – руссо, руссо мышано. Мы просто серые и маленькие, – закончила она про себя.

На новом месте Пипита долго не могла заснуть. Пол здесь был жестковат, и разные мысли бродили в ее беспокойной го-

лове: «Странные они какие-то: ростом с крысу, глаза гораздо больше моих... Я маленькая, серая, драная и совсем не похожа на них». Раздалось шуршание и испуганный писк – это среднему, Пиколлино, привиделась во сне кошачья лапа. Ему часто снились кошмары.

– Все-таки хорошо, что я их понимаю, – довольно потянулась мышка, начала зевать и не заметила, как уснула.

Прогулка

Утром Пипита проснулась позже остальных, заспалась. Шестеро маленьких итальянских шустриков догрызали зерна, хозяин читал «Утренний писк Италии» – местную газету.

– Быстрино, быстрино, – суетилась синьора – мышь. – Дети опаздывали в ближайшую квартиру ученого-биолога. Там пушистый старый профессор Джордано учил их правильно грызть книги. Сеньора Чесира встретила заспанную гостью измученной улыбкой:

– Комме спато, синьорина? – выдохнула она.

Когда Чесира поставила перед Пипитой миску с жареным ячменем, серая синьорина смогла поблагодарить ее уже по-итальянски: «Грацие, синьора Чесира». Чесира улыбнулась, но тут же снова стала дергать своего последнего сыночка: «Быстрино, быстрино, Пиколлино».

Наконец, когда маленькие зерноеды ушли, синьора – мышь предложила Пипите:

– Синьорина желатто посмотрето ла городино? Андриано, покажито ла Венецио ностра гостито, – обратилась она к мужу, который давно уже прочитал газету и сидел без всякого дела.

– О, синьорина! – хозяин встрепнулся, отбросил газету и подошел к Пипите, – желатто увидето ностро городино? – И, прежде чем Пипита успела сообразить, что ей хотят по-

казать, они с отцом семейства уже быстро шли по подполью, почти летели. Но вот мыши выбрались на поверхность и, лавируя между ногами прохожих, добежали до большой площади. Точно что-то громадное, гремящее, поющее обрушилось на нашу странницу и придавило ее своей необъятной массой. Впереди был дом, нет, скорее дворец, сразу напомнивший мышке о своей первой любви, ибо он был столь же наряден и торжественен как слон на цирковом параде. Купол его до пронзительного писка был похож на шапочку Туту с бубенчиками. Узоры, окаймлявшие окна, были точно праздничный рисунок на попоне, и казалось, что вот-вот этот каменный великан затрубит и пойдет по городу.

– Красивоно? – гордо спросил Адриано.

– Ага, – восхищенно прошептала Пипита, – красивоно.

– О, сеньорина! Соборо грандиозо, – почти запел ее спутник, – сердцевина ностро городино!

Пипита и синьор Адриано поспешили дальше. Из сбивчивого, но очень эмоционального рассказа папы Адриано, прерывавшегося многочисленными восклицаниями: «О! Ах! Мама миа!», – Пипита узнала, что находится в городе, который называется Венецией. Этот город стоит на воде, а вместо улиц здесь каналы, поэтому люди ездят не на машинах, а на лодках, которые называются гондолы. Пипита посмотрела по сторонам и, действительно, увидела, как по каналам плывут черные, будто лакированные большие лодки с загнутыми как у тувель восточных фокусников носами. В каждой

лодке сидели веселые люди, они смеялись, некоторые пели, а управляли этими лодками красивые, высокие юноши с одним веслом в руке. Еще узнала Пипита, что площадь, на которой они стоят, называется Сан Марко, а собор, который так заворожил мышку – собором Святого Петра. Все, что видела теперь Пипита, напомнило ей родной цирк с его весельем, красками, музыкой и чудесами. Папа Адриано схватил свою гостью за лапу и вместе с ней юркнул на причалившую гондолу.

Мыши спрятались под ярко-красными креслами и стали ждать отправления гондолы. «Опять качает как на горбах Хасана, когда он волнуется перед выступлением», – подумала Пипита. Она поежилась, ветер забирался под влажную шкуру. Впереди открывался вид на канал, и мышка засмотрелась на него в предвкушении прогулки. Вдруг гондола накренилась, раздался смех, и вид на канал сменился парой ног в красных босоножках. «О, мама миа, ке досадино», – простонал Адриано – перед ним были мужские ноги в кроссовках. Сверху доносилась пустяковая болтовня. «Все загородили!» – рассердилась Пипита. Пометавшись несколько минут, мыши устроились в ногах парня, лодка тронулась и... под красивую песню, напеваемую гондольером, все поплыло. Пипита видела каналы, впадающие друг в друга. Мимо проплывали дома со стрельчатыми окнами, похожие на большие таинственные сундуки. «Как будто веселый клоун взял меня с собой в свою игру», – думала мышка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.